

У жизни
привкус
вишни

Аля Спринг

У жизни привкус вишни

«Автор»

2026

Спринг А.

У жизни привкус вишни / А. Спринг — «Автор», 2026

У Лёни — болезнь, дырка в сердце. У Вадика — фингал под глазом и наказание от бабули. У Вадика есть Лёня, у Лёни — Вадик. А у их дружбы — привкус вишни. А у их жизни..

Содержание

Глава 1. «Там, где идут дружить»

5

Аля Спринг

У жизни привкус вишни

Глава 1. «Там, где идут дружить»

У него в сердце и правда была дырка. Небольшая, точно не больше самого сердца, а сердце у него маленькое, как кулак. А какой кулак у двухлетки? Совсем маленький. Вот и сердце, и дырка были такими же маленькими.

Лёня сидел на коленях мамы в приёмной больницы. Отец, который сам был врачом, но почему-то не лечил Лёню, общался с высоким дядей в прямоугольных очках и в белом халате.

До Лёни доносились какие-то слова доктора, которых он всё равно не мог понять. Илья Иванович хмуро-то говорил доктору, но Лёня даже пытаться не стал: папа всегда говорит такими сложными для него словами. А вот мама... Нина Андреевна крепко прижимала сына к себе, стараясь как можно тише глотать слёзы. Но и на это Лёня внимания не обратил: мама вечно плачет по пустякам.

В больнице они провели весь день, и когда солнышко уже спряталось, в медицинской карте Лёни, где раньше из серьёзного была лишь ветрянка, появилось ещё несколько слов: «Дефект межпредсердной перегородки (ДМПП)»¹

Спустя пять лет.

— Ты ничего не забыл? Документы взял? Ну, проверь ещё раз! — Нина Андреевна, как обычно, суежилась вокруг мужа и его дорожной сумки. Сегодня он впервые уезжал с их дачи в Москву.

Лёня скучающе сидел на табурете у телевизора и пропускал через себя «Илью Муромца и Соловья-Разбойника». Они были тут уже два дня, а ему до сих пор не разрешили выйти на улицу. «Без взрослых нельзя, ты можешь потеряться». А что делать, если взрослые то и дело суеются, бегая по дому?

Лёня закончил первый класс почти на «отлично», разве что литература не очень далась. Сразу после «первого последнего звонка» родители забрали его и стали собирать вещи, а спустя несколько часов они оказались тут, на юге Сибири, в селе Шушенском. Раньше Лёня думал, что Сибирь — очень холодное место, где круглый год идёт снег и люди ходят в шкурах животных, при этом передвигаясь на медведях. А оказалось, нет. Тут солнце стояло высоко, а темнеть начинало только вечером, когда Лёня принимал лекарство перед сном. Этот дом был меньше, чем их квартира в Москве, но Лёню привлекала улица: зелёная трава, высокие деревья, море цветов и солнце.

— Я всё проверил, не переживай, через неделю снова прилечу, не на год же еду, ну. — Илья Иванович пытался успокоить жену, которая металась по дому в поисках чего-то. Этого «чего-то», возможно, даже не существовало. Мужчина перехватил супругу за руку и мягко поцеловал в лоб. Лёня скривился. Вечно эти взрослые слюни друг другу передают! Но Нина Андреевна, кажется, успокоилась и позвала сына:

— Лёня, иди сюда, попрощайся с отцом!

И Лёня поплёлся в коридор, где отец мигом подхватил его на руки, подбросил вверх и снова поймал, наконец-то развеселив сына.

— Пока, пап... — как обычно, тихо попрощался мальчик.

¹ Врождённый порок сердца, при котором в перегородке между правым левым предсердиями есть отверстие.

— Пока, сын. Ты давай это, маму слушайся, не расстраивай её. Через неделю приеду, буду проверять отчёт о твоём поведении. Договор? — Илья Иванович щёлкнул сына по носу, опуская на пол, и мальчик сразу обнял маму за талию двумя руками, показывая, что будет слушаться.

— Ну, вроде всё. Давай, Нин, как прилечу, позвоню. С Борисом Михайловичем за меня попрощайся. — Мама лишь кивнула, и отец вышел из дома, где уже ждало такси, которое отвезёт его в Москву (или до самолёта, а уже самолёт — в Москву; Лёня так и не понял).

Как только машина отъехала от дома настолько, что её стало не видно, Лёня зашёл на кухню, где мама варила капусту для голубцов, и спросил:

— А можно я выйду погулять?

Отец, хоть и не был сильно строгим, но всё же своё «нет» держал стойко, и с ним у Лёни не было шансов выйти на улицу одному. А маму можно уговорить, нужно только постараться.

Нина Андреевна на секунду отвлеклась от кастрюли и посмотрела на сына.

— Лёня, ну мы только приехали, ты же совсем местности не знаешь, да и я не знаю: если ты потеряешься, как я тебя искать буду? — голос мамы звучал не строго, скорее жалобно.

— Борис Михайлович знает, он тебе поможет меня искать. Да меня и искать не надо: я на площадке чуть-чуть поиграю и приду. Ну пожалуйста! — взмолился Лёня, теребя край маминой кофты.

Нина Андреевна выдохнула и посмотрела в сторону коридора.

— Хорошо, но только на 15 минут. И возьми с собой воду: пекло в самом разгаре. Если плохо станет, выпей воды и сразу иди домой, понял?

Женщина взяла бутылку из-под грушёвки 0,5 и налила туда воды, отдавая сыну. Лёня послушно кивнул, надел предложенную мамой панаму и вышел из дома. Наконец-то!

На улице было так хорошо. Солнце светило высоко, вокруг пели птицы и летали бабочки. Пчёлы тоже. Но это был лишь один минус. До площадки было недалеко — оттуда ещё был виден их дом, правда, теперь он казался гораздо меньше. Карусель, две качели (одна для маленьких, Лёня туда даже не влезет), песочница (песка почти не было, туда Лёня тоже не полезет) и металлическая горка (она уже нагрелась, и туда Лёня точно не полезет) — вот она, площадка.

Лёня сел на карусель и медленно раскрутился, чтобы не затошнило. Панамку он снял, от неё только голова чесалась, и та покоилась на соседнем сиденье карусели.

Как же всё-таки хорошо. Гораздо лучше, чем в Питере, где даже летом идёт дождь, а они туда, между прочим, ездили каждое лето к маме папы. Лёня хоть и любил бабушку Аллу, но Питер не любил.

Из раздумий о мокром Питере его выдернул слабый толчок в плечо. Повернув голову, он заметил мячик на полу рядом с каруселью. Лёня взял мячик и огляделся вокруг, сверкая янтарного цвета глазами, которые достались от мамы (больше ему ничего от мамы не досталось).

Его взгляд зацепился за то, как за забором одного из домов высовывается тёмная макушка в красной кепке. Потом появилась целая голова.

— Эй, пацан, кинь мяч! — крикнула голова с фингалом под правым глазом и царапиной на носу.

Лёня подошёл к забору и протянул руки с мячом.

— На, а почему ты за забором играешь? Тут же площадка есть, — поинтересовался он, пока голова забирала мяч. Руками, не головой.

— Меня бабушка наказала, я вчера с пацаном из пятого дома подрался, во! — Он показал на свой синяк. — Теперь можно играть только во дворе. — Голова сощурила глаза, рассматривая Лёню. — А ты из какого дома? Я тебя не помню.

Лёня пожал плечами. Из какого дома? Из того.

— Из того. — Выдал свою мысль Лёня, показывая на свой дом, который чуть виднелся за деревьями.

Голова кивнула.

— Ну, из того, так из того. Я Вадик, а тебя как зовут? — Голова протянула руку через забор, и Лёня пожал её.

— Я Лёня, а тебе сколько лет?

— Мне 8. — Вадик горделиво улыбнулся.

— А мне 7. Будем *дружить*?

— Будем...

Вадик огляделся и быстро перелез через забор, падая на землю. Лёня склонился над ним, удивлённо глядя прямо в зелёные глаза своего нового друга.

— Ты чего?

— Да я так... Чтобы бабушка не видела...

Поморщившись от боли, Вадик поднялся, отряхнулся и снова улыбнулся.

— Пойдём.

— Куда?

— *Дружить*.